

ХОСЕ-ЛУИС ВИЛЬЯКАНЬЯС БЕРЛАНГА*
ЕВРОПА. ПОСЛЕ СУВЕРЕНИТЕТА
И ПОСЛЕ ГЕГЕМОНИИ**

Аннотация: В статье описываются первоначальные планы устройства нынешнего Европейского союза. Как известно, эти проекты были составлены под влиянием травматического опыта Второй мировой войны; их авторы — Александр Кожев и Эрнст Юнгер. Оригинальность подходов этих философов заключалась во внимании, которое они уделяли не только экономическим вопросам, но и культурным, религиозным и нравственным традициям стран Европы. В этой работе их рассуждения противопоставляются развитию событий, последовавшему за визитом президента Никсона в Китай и началом неолиберальной глобализации. Подчеркивается неизбежность возвращения к культурным условиям времен зарождения европейского проекта и необходимость мира, не перечеркнутого гегемонией и суверенитетом в широком понимании.

Ключевые слова: Кожев, Юнгер, Никсон, Мао, Европейский союз, гегемония, суверенитет, Номос Земли.

Свои размышления мы начнем с Александра Кожева и его идеи латинской империи, а также с причин того, почему эта идея не имела развития. Затем мы обратимся к программе Эрнста Юнгера, разработанной им в то же время в статье «О мире», и покажем, почему он оказался ближе к реальности. После этих двух пунктов мы рассмотрим проблему стойкости ЕС под давлением со стороны советского блока. Для этого мы должны будем изучить последствия разрушения советского блока и непосредственную связь между этим событием и возвышением Китая. Далее мы обратимся к влиянию этих событий на пространство ЕС с точки зрения экономики. И в конце, следуя логике Вебера, поставим вопрос о том, могут ли экономические последствия всего этого как-то повлиять на культурные проблемы.

В статье мы будем оперировать понятиями «постгегемония» и «постсуверенитет». Оба концепта претендуют на выражение одной и той же идеи, но с различных точек зрения. Оба связаны с определением нового Номоса Земли. Последний, как логика мироустройства, сегодня уже

*Вильяканьяс Берланга Хосе-Луис, профессор, зав. кафедрой истории философии Complutense университета (Мадрид, Испания), josluisvillacaasberlanga@gmail.com.

**© Вильяканьяс Берланга, Х.-Л. © пер. с исп. Василенко, Ю. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

не может быть понят с точки зрения гегемонии или империи; он может быть понят только как *pluriversum* больших пространств, которые стремятся к фактическому равновесию, но все еще не нашли в праве путей для урегулирования своих отношений. Ни одно из этих больших пространств не может быть рассмотрено с позиции классического суверенитета, известной системе европейских государств с 1648 г. Дело в том, что некоторые из названных больших пространств являются федерациями государств, которые должны отказаться от своих претензий на суверенитет. Но даже те большие пространства, которые по-прежнему могут быть рассматриваемы с позиций логики государства-нации, глубоко осознают железные узы взаимозависимости, которые объединяют их со всем миром, и не могут принять основу логики старого суверенитета — автореференциальность. Поэтому мы и будем анализировать состояние Европы при данном положении вещей, которое определяется постсуверенитетом и постгегемонией.

1. ЛАТИНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Кожев сегодня в моде. Его ореол визионера и двойного шпиона порождает сенсацию. Его яркие истории соблазнителя производят впечатление. О его способностях оказывать влияние и учительствовать ходила слава среди целого поколения философов. Пробираясь сквозь глубокие намеки на таинственность, комментаторы ищут тайные отношения и философские связи с великими мыслителями, которые все еще являются для нас авторитетами. Кожев — отец Мишеля Фуко, отец Жоржа Батая, отец Френсиса Фукуямы, отец Джорджо Агамбена. Как раз последний некоторое время назад вспоминал в прессе его тезисы о латинской империи, вызвав удивление, беспокойство и энтузиазм. Однако, как всегда, в любом *arcanium* Кожева содержится еще один, больше и древнее первого, подобно тому как любая матрешка прячет в себе другую.

В том, что Кожев читал Карла Шмитта, едва ли можно сомневаться. Якоб Таубес упоминал об этом в «Политической теологии Павла». Впрочем, мы не знаем, что именно он прочитал к той эпохе, которая нас интересует. В том, что его доклад де Голлю о «Латинской империи», датированный 25 августа 1945 г., совпадает со шмиттовской теорией больших пространств, едва ли можно сомневаться, хотя подзаголов-

ком к докладу и было «Эскиз французской политической доктрины»¹. Доклад был написан для того, чтобы добиться от де Голля — одного из шмиттовских героев — реализации проекта, и ее автор продолжал развивать его в разговорах, закрытых от перетолков. Его основополагающий тезис был ясен. Кожев утверждал, что Германия должна инкорпорироваться в «европейскую систему» или континентальную политику. Также он утверждал, что существует огромная опасность в противостоянии между англосаксами и русскими за мировую гегемонию. При этих двух условиях главной целью его доклада было обеспечить мир и выживание Европы. Франция в этой битве между империями должна была быть нейтральной, отказаться быть полем для этого сражения, при этом создать континентальную систему и обеспечить себе в ней позицию экономического и политического лидера, противостоя Германии, которая была обречена стать англосаксонской оборонительной линией против советского режима. Таков был смысл его предложения по латинской империи. То, что Кожев был в курсе советских планов осесть к востоку от прусской Эльбы, становится очевидным, когда он предупреждает, что Германия будет главной экономической державой «даже с ампутированными восточными провинциями». Для него было невозможно думать о Германии как об обессиленной навсегда, хотя он и ошибался, прогнозируя, что всего через 15 лет она вновь займется своим перевооружением.

Идеи Кожева были отголоском эпохи государства-нации, он говорил о больших пространствах, которые можно назвать империями. Он понимал империю как широкий «союз» «родственных наций». Двусмысленность доклада Кожева можно увидеть в его заключении: «Государство является подлинным государством, только если оно является империей». Отсюда складывается впечатление, что империя ему нужна для того, чтобы Франция продолжала быть государством. В своем заключении он излагает это логичнее: в империи тот останется государством, кто будет обладать гегемонией. Такова роль Франции — быть *primus inter pares*. Иллюстрируя примером преодоление эпохи национального государства, Кожев говорит о случившемся недавно падении Третьего рейха. Для

¹ Речь идет о тексте Кожева, который был издан Бернаром-Анри Леви в 1990 г. в первом номере журнала «Правила игры» (*La Règle du jeu*). Текст был написан к 27 августа 1945 г. и должен был попасть в руки важных на тот момент фигур. Мы цитируем его по цифровому изданию: Kojève, 1945.

него ошибка Гитлера заключалась в анахроническом стремлении сделать упор на национальные основы в проекте, который мог быть только имперским. Подобное узкое понимание имперского через национальное было и причиной преданности немцев Гитлеру (именно в этом смысле его поддержал Хайдеггер и все поколение, воспитанное на Гёльдерлине), и, одновременно, причиной его катастрофы. Невозможность интеграции стран из германской сферы влияния в немецкое национальное сделала неизбежным возвращение к рабству как форме власти — наиболее архаичной форме имперской власти. Сейчас Кожев предложил бы Европе стать полем для игры двух великих империй; Франция, по его мнению, должна была принять вызов и достичь того, чего не смог добиться Гитлер, — организовать Европу на основе латинской империи. Государства, которые не достигнут этой цели, должны знать, что их судьба — исчезнуть; мирным или военным путем — безразлично.

Таким образом, Кожев вполне четко утверждает политическую ирреальность нации. Главное измерение государства, то есть военное, должно быть заменено на социальную, экономическую, административную или даже полицейскую реальность. Политика, таким образом, выводится на международный уровень². Сближение Кожева с идеями Шмитта заметно в утверждении, что либерализм ошибался, полагая, что не существует политики вовне государства, так же как и в России интернационализм Троцкого ошибался, размышляя о политике человечества. Нельзя прыгнуть от государства к человечеству, не пройдя через империи, через большие пространства. В конце концов, как американцы, так и коммунисты оказались неспособны открыть промежуточную политическую, нынешнюю реальность империй. Расхождение со Шмиттом у Кожева было в том, что он понимал союзы наций на старый манер — как «родственные нации». В итоге он заменил понятие расы на понятие «родни», или «семьи», наций. Первое понятие — «раса» — было абстрактным и не значило ничего. Второе было конкретным и означало язык, менталитет, цивилизацию и климат, но прежде всего идентичность религии, в данном случае католической, более или менее трансформированной лаицизмом. В целом, наличие общего генеалогического и субстанционального измерения латинских наций позволяло

²Такова та подлинная реальность этого вторжения онтологического различия в политику, о которой говорили последователи Хайдеггера. Различие между полицией и политикой является констатацией того, что старая политика, сведенная сейчас к полиции, уже не имеет никакого значения, но вместо того, чтобы увидеть политику в международных отношениях, ее отправляют в невесть какое царство негативности.

утверждать, что латинская империя была возможной реальностью. Более того, был еще один важный фактор, способствовавший ее воплощению, — единство Католической церкви. Иным выбором из доступных было принять статус «подчиненных» англосаксонской империи, как это и была вынуждена сделать Германия.

Когда Кожев оценивал этот выбор, он утверждал, что статус «подчиненного» не был невыносим с психологической точки зрения. Конечно, он имел в виду ценности большие, чем те, что может признать индивидуальная психология, и говорил поэтому, что определенные — т. е. культурные — реальности имеют риск исчезнуть, если не будут иметь адекватного политического перевода. В целом, если «латинско-католическое» человечество хочет спастись, оно должно располагать политическим измерением. Иначе существует риск, что латинская форма жизни исчезнет, что, по словам Кожева, стало бы неопределимой потерей для человечества. Но почему так важна эта потеря? Без сомнения, потому, что католическое латинство могло означать *complexio oppositorum* между двумя империями и выполнять функцию синтезирующего и мирного посредника. Католический Гегель — вот то, что Кожев предлагал для латинской империи: адекватное оружие, чтобы защитить «культурную специфичность», которой угрожали американские фильмы еще со времен Йозефа Рота³. Латинская империя должна была стать неимпериалистической, имеющей слишком мало сил для экспансионистских авантур, но достаточно — для оборонительного сопротивления. Таким виделся финал европоцентризма. Экспансионистским пространством стали Азия и Тихий океан.

Понятно, что с этим планом Кожев, как и Бисмарк, который предложил первоначальную идею латинской федерации после победы под Седаном, хотел дать Франции идею, способную оживить ее политическую волю. В целом же он хотел предоставить французам концепт «гражданина», политизировав его заново, и выступить против его чудовищной деполитизации, а также остановить нарастающую опасность в виде *либертарианских* активностей, которые достигли своего пика в 1968 г. И его высказывания о том, что со смертью нации начинается ее возрождение, были совсем не случайны. Эти идеи должны были вызвать к жизни политику, способную мобилизовать Партию традиции, в чем-то реакционную, коей для Кожева была Французская коммунистическая

³Йозеф Рот написал в своем «Антихристе», что одним из проявлений этой угрозы наряду с Гитлером и Сталиным был Голливуд. См.: Roth, 1934.

партия⁴. Внедрение демократических ценностей в самую суть латинской империи должно было привести к новой форме политической жизни. Включая Испанию в первый ряд латинских наций, Кожев предполагал в 1945 г., что франкистская Испания должна вскоре рухнуть, чтобы вернуться в новое средиземноморское пространство. Любопытно, что Кожев обращался к Возрождению, эпохе истинно латинской, чтобы показать возможность того, что три нации с легкостью могут объединить свои эволюционные потенциалы. Вдохновленная «сладостью жизни», возвышенной до «радости», латинская цивилизация должна была найти способы экономической деятельности, необходимые для ее собственного выживания. При этом как модель «гуманизации», латинское общество не имело себе равных. Латинский мир сумел найти способ привести в жизнь созерцание, гуманизировать досуг и бездеятельность посредством артистической педагогики — в отличие от протестантского мира, который гуманизировал лишь деятельность и труд.

В целом же речь шла об ином, новом, неизвестном ранее, но реальном политическом союзе с неизбежным экономическим объединением.

⁴Когда в последней части доклада Кожев ставит вопрос о том, как развернуть латинскую империю, то, поскольку де Голль не является абсолютным монархом, Кожев приходит к другому вопросу: как развернуть эту политику в условиях партийного режима? Тогда он понимает, что все зависит от того, сможет ли сотрудничать с этим проектом Коммунистическая партия. Кожев, естественно, отвечает, что это сотрудничество не только необходимо, но также и возможно. Это действительно было так, потому что главный интерес французских коммунистов заключался прежде всего в том, чтобы итальянцы, французы и испанцы были независимы от Соединенных Штатов. И самое интересное здесь не в том, что это давало ключ Франко к тому, как он должен был действовать. Принципиальным было то, как Кожев видел Коммунистическую партию Франции. Он сказал предельно конкретно: «Фактически КПФ имеет сегодня облик консервативной партии, чей девиз мог бы быть выражен с помощью формулы Виши „Труд, Семья, Родина“. [...] В этом смысле КПФ провиденциально заполняет лауну во французской политической жизни, которая компрометирует очень серьезно жизнь Государства и его возможности энергичного действия. Речь идет о длительном отсутствии во Франции консервативной партии, которая не была бы реакционной, партии, которая, с одной стороны, придавала бы абсолютную ценность Государству как Государству, а с другой — допускала бы, что Государство может жить политически только при условии полной адаптации к часто быстрой и радикальной эволюции». Главная проблема КПФ заключалась в том, что она не хотела ни знать, ни признаваться, что знает, что такое консервативная партия, даже партия правых. Поэтому можно было прийти не только к тактическому и имплицитному, но и к фактическому и эффективному согласию между элитой КПФ и де Голлем. В конце концов, Кожев предполагал политическое руководство Францией как разделенное между де Голлем, который представлял политическую волю, народными массами, руководимыми Коммунистической партией, и силами культурной, технической и экономической элит.

Конечно, понятие империи имело семантическую многосторонность, достаточную как для упорядочивания южной Европы, способной противостоять Германии, так и для реального создания колониального порядка на севере Африки, где влияние Франции на Марокко, Алжир и Тунис должно было рассматриваться как дополняющее испанское на Сахару и итальянское на Ливию. Поэтому Кожев настаивал на необходимости срочного объединения колониальных владений латинских стран, а также подчеркивал, что колониальные дела необходимо было вести совместно. И Кожев начал говорить, что общий и непрерывный набор африканских владений должен предоставить реальную адекватную основу и «унифицирующий принцип» для латинской империи настолько, насколько это позволит экономическое объединение метрополий. Однажды это стало бы основой для разрешения и колониальной, и мусульманской проблем. С исчерпывающей ясностью мы видим, что речь идет снова о Западной римской империи — с границами, какими они были во время Арминия⁵. И здесь возможность «синтеза противоположностей» становилась по-гегелевски экстремальной — в том смысле, что она приближалась к идеям Шмитта. Противоречия между католицизмом и исламом могли быть канализированы в русле латинской империи, но никогда — в русле Европы наций. Антанта между католицизмом и исламом была возможна, и это объединение помешало бы проникновению в зону других держав. Латинская империя выступала бы против держав мирового рынка, защищая прежде всего объединение своих колониальных владений. Поскольку Франция вкладывала наибольший капитал в этот союз Средиземноморья, она получала и наибольшую выгоду: рабочие руки, источник труда и богатства, рынок⁶. В итоге это были бы 120 миллионов человек, образующих пространство, способное выжить среди империй и защитить себя как от периодических кризисов англосаксонского мира, так и от советского зстоя.

Маленький памфлет Кожева касался и планов Соединенных Штатов по спасению Германии, и принятого решения не налагать огромные

⁵Имеется в виду лидер германцев по имени Арминий (ок. 16 г. до н. э. — 21 г. н. э.), разбивший в 9 г. н. э. римские легионы в знаменитом сражении в Тевтобургском лесу. В геополитическом смысле победа Арминия привела к тому, что восточной границей Римской империи надолго стал Рейн, тогда как до того римляне активно продвигались к Эльбе. — *Прим. ред.*

⁶Без сомнения, политика предполагала быть в состоянии закрыть Средиземное море и не требовать платы за проход. Это означало и передачу Гибралтара Испании. Кожев об этом не говорит, однако из его позиции это следует.

компенсации после войны. Ошибка Версаля не должна была повториться, да и сдерживание США не стояло пока в повестке дня. Так что было необходимо искать альтернативные варианты, основывающиеся на собственной силе, а не на критическом снижении потенциалов исторического противника или же его разделении, идею чего лелеяли в Версале. То, чего хотел Кожев, — это спасти все возможное из гегелевского сценария автономии, хотя сейчас речь шла об автономии для мира, свободного от милитаристских и империалистических стремлений, этих симптомов слабости. Конечно же, он с беспокойством говорил о суверенитете. Несмотря на все, он отметил, что не желает переоценивать политические потенциалы будущей империи. У нее не должно было быть силы для изменения политических планов двух мировых империй. Он даже говорил, что рано или поздно латинская империя могла бы стать субсидиарной империей одной из двух конкурирующих империй. Но даже при такой — навязанной — кооперации кооперироваться в качестве нации или в качестве империи — совсем не одно и то же.

Почти в конце своего доклада Кожев говорит, что наступает момент сделать оговорку *last but not least* и доказать, что *огромным шансом для латинской империи будет помешать выходу Германии из англосаксонского блока*. Аргумент Кожева довольно коварен. Кожев считал очевидным, что Германия присоединится к англосаксонскому блоку. С латинской же империей она из него никогда и не выйдет. Она не сможет остаться ни изолированной, ни свободной. Будучи единственной границей, возвыгнутой против Советов, Германия будет интенсивно усиливаться союзниками в силу ее стратегической ценности. Латинская империя будет второстепенным тылом — не границей между двумя империями, а мирным тылом первого комбатанта. Отсюда просматривается и цель латинской империи: быть не мировым геостратегическим субъектом, а защитной стеной против германской континентальной гегемонии. При наличии латинской империи Германия будет вынуждена защищаться, упираясь спиной в сильную Францию. Потому Кожев и заканчивает такими словами: «Только латинская империя сможет бесконечно противостоять германской континентальной гегемонии».

2. ЭРНСТ ЮНГЕР

Впрочем, одновременно с этим были и другие планы. Их разворачивал Юнгер в своей известной записке «Мир», которая также предназначалась для де Голля. Как таковая записка содержала стремление изложить

проект германо-французской дружбы. Ссылаясь на Спинозу, Юнгер утверждал, что она должна основываться на любви «более великой, как будто бы ей не предшествовала ненависть» (Jünger, 1996: 44). Записка Юнгера исполнена в отличном стиле и не ограничивается рамками дипломатического доклада. Осознавая важность момента, он предлагал мессианский проект, способный победить resentment. В нем он предлагал «новое чувство Земли» (ibid.: 16). Юнгер выражался в пророческом смысле, пусть и *post festum*, когда говорил о том, что мир вышел из «дворцов уничтожения и вавилонского смешения» и может продвигаться к «новому порядку, новому объединению» (ibid.: 21–22), основы которого заложат руки, чистые от преступлений после того принесения в жертву самой Земли (ibid.: 23). Юнгер говорил и о «новых империях», однако скрепленных не семейной близостью, а синтезом, смешением. В частности: «Сегодня наступил момент, когда Европа опирается на бракосочетание своих народов, момент, когда Европа приобретает свой суверенитет и конституцию» (ibid.: 26).

Созвучие Юнгера со Шмиттом является еще большим, чем с Кожевным. Оба участвовали в заговоре против Гитлера и остались живы. Как юрист, наш герой говорит и о «планетарном порядке», построенном посредством осмысления Земли в логике больших жизненных пространств. Фактически этот порядок уже готов (ibid.: 29), однако Юнгер говорит о Европе как одном из этих порядков просто потому, что Франция и Германия уже были равны в отношении очевидного — потери национального состояния. В отличие от Кожева, Юнгер видел две нации как взаимодополняющие и в одной фразе, заимствованной из стихов о «христианском Эпиметее», которые так любил Шмитт, отметил свет права, который пронизывает бурю. Право было силой, которая должна была сплотить Европу⁷.

Таким образом, Юнгер обозначил, что в мирное время должны достигаться цели, которые характерны и для войны. Понять этот момент значило воспринять войну как тотальность и осознать действующие в ней силы. Для Юнгера, как известно, подобной силой было положение рабочих. В ходе войны предполагалось достижение «нового порядка», который должен был сделать реальными «формы жизни рабочего» (ibid.: 39). Речь шла об упорядочивании «процесса труда», который зародился как военная мобилизация, но только лишь как поверхностное явление. Эти концепты — процесс труда и форма жизни рабочего —

⁷По вопросу о «христианском Эпиметее» см. мое послесловие к книге: Schmitt, 2016.

были единственными подлинно мировыми, общепланетарными символами и поэтому становились основанием для объединения. Было необходимо отделить рабочего от титана и покончить с революционным и героическим образом рабочего, чтобы сделать шаг в направлении этой фигуры с «традицией, творчеством, счастьем, религией» (Jünger, 1996: 40). Последним трудом Прометея будет выковать Европу молотом права на наковальне опустошенной земли. «Основание Европы будет заключаться в придании геополитического единства пространству, которое было артикулировано историческим развитием», — заключает Юнгер (ibid.: 41).

Мы видим, что схема Юнгера победила потому, что была более инклюзивной, чем схема Кожева. Юнгер не центрировался на культурных различиях между латинским человеком и протестантом — различиях, меньших по сравнению с общепланетарной проблемой рабочего. Однако, отмечая конец Прометея, — все проникнуто мифом об Эпиметее, — и предоставляя место для традиции, творчества, счастья и религии, латинские культурные формы становились дополнением германских цивилизационных форм. С помощью этого проекта следовало продавливать иное решение — решение о введении Германии в континентальный европейский блок посредством коммерческого союза, который бы регулировал производство железа и стали и дополнялся бы влиянием Франции на международную и военную политику. То, что определило его выбор вопреки проекту Кожева, было связано не с благостным отношением к Германии, а с общими интересами. На тот момент существовала уверенность в том, что давление СССР на Восточную Европу потребует создания крепкой европейской стены. Любой непредвзятый наблюдатель знал, что ни Италия, ни Франция, ни Испания не будут способны остановить это коммунистическое давление. Латинская империя могла бы сдерживать Германию, но не Россию, которая для США, немцев и многих групп населения была реальным врагом.

Легко заподозрить, что Соединенные Штаты не поняли латинского решения, которое показалось им просто еще одной французской причудой наподобие Версаля. Так что бумаги Кожева остались в стороне, как и его серьезные работы. В них разрабатывалась формула второго сценария, второго пространства, скрытого, оперативного, но не официального. Тем более что вскоре в своей официальной политике де Голль потерпел поражение в колониальном вопросе, ахиллесовой пяте программы Кожева. Необходимо напомнить, что проект Кожева был особенно консервативным в вопросах политики Магриба.

К тому же, как быстро выяснилось, способность России вмешиваться в организацию сопротивления и последующую войну за освобождение Алжира была непреодолимой. Мы знаем и то, что рассказывается об уничтожении остатков советского влияния в Ираке и Сирии — не говоря уже о том, что произошло в Ливии. В действительности, можно задать разумный вопрос о том, что случилось бы с этой разделенной Европой Кожева в руках Советов, притом что в этом предложении могли бы быть и культурные резоны, — это был типичный выбор для тех, кто видел лишь себя, не принимая в расчет видение американцев или немцев. Германия не могла остаться в одиночестве, потому что тогда Берлинская стена сдвинулась бы по меньшей мере к Рейну. Именно это и видели те, кто жил на Рейне, и именно это видел Юнгер — и поэтому они торопились связать себя с Францией и заложить основы ЕС.

Записка Юнгера, конечно же, имела и философское измерение, которое Кожева не интересовало; по крайней мере, он намеревался ответить на это позже. Речь шла о великом вызове, который оставил последующим поколениям Ницше, — преодолеть нигилизм. Что характерно, Юнгер совсем не говорил о конституции. В этом также заключалось *complexio oppositorum*. Единство и разнообразие, авторитарное государство и либеральное государство, жизнь дисциплинированная и свободная, мир техники и мир органики, экономика и природа, отцовство и материнство — таковы были противоположные принципы, о которых говорилось. Но в основе всего лежали идеи Томаса Манна и далее Ницше, а еще дальше — Гёте, утверждавшего, что «Европейская конституция должна очень тонко различать страты, которые относятся к культуре, и страты, которые относятся к цивилизации» (*ibid.*: 42). Однако тогда он утверждал, что конституция должна основываться на человеческом разуме и священном договоре, поскольку только так «можно будет прийти до самого глубинного источника зла: источника, из которого истекает нигилизм» (*ibid.*: 43). Этот источник построил дворцы мрака в Германии и России — странах, которые открыли нигилизм в работах Ницше и Достоевского. Юнгер взывал к религиозным изменениям (*ibid.*: 45), которые помешали бы тому, чтобы прогнозы Наполеона, де Токвиля или Доносо Кортеса стали правдой. Ни янки, ни русских, — взгляд Эпиметея на Европу видел в этих великих империях свои, уже преодоленные, возможности. Это заставило бы трансформировать пространство счастья, любви и спасения, и только так техника осталась бы подчиненной божественным и человеческим силам (Jünger, 1996: 47).

Если техника не будет компенсироваться новой теологией, способной определить место человека в мире, все остальное будет невозможным.

Предложения Юнгера в этом смысле были достаточно старыми. Он говорил об ограничении толерантности, а в другом месте подчеркнул, что от личностей необходимо требовать «высшей идеи» (*ibid.*: 50). Он хотел сказать, что государство должно благоволить «великим доктринам спасения» и доверять, прежде всего, гражданам, «которые исповедуют веру в более высокий разум, нежели человеческий» (*ibid.*: 48). Так он показывал, что нигилизм отступает. Здесь можно было бы процитировать Спинозу. В «Богословско-политическом трактате» он говорит: «Вера требует не столько истинных, сколько благочестивых догматов, т. е. таких, которые побуждают душу к повиновению» (Spinoza, 2014; Спиноза, Лопаткин, 1957а: 189). В «Этике» Спиноза говорит, что повиновение состоит в «желании делать добро» (Spinoza, 2011; Спиноза, Иванцов, 1957b: 552), в рациональном желании помогать другим людям. Юнгер апеллирует в этом контексте к откровению, и здесь также можно было бы процитировать Спинозу, говорившего, что «мы можем пользоваться суждением, чтобы принимать с моральной по крайней мере достоверностью то, что уже дано в откровении» (Spinoza, 2014; Спиноза, Лопаткин, 1957а: 199). Когда Юнгер был большим шмиттеанцем, он говорил, что тот, кто хочет быть либералом, пусть не жалуется на нигилизм. Либерал, который жалуется на нигилизм, — это как отец, который жалуется на неудачи сына. Все это служило Юнгеру для приготовления противоядия против либерализма и нигилизма: «Единственно с помощью церквей стала возможна подлинная победа над нигилизмом и, следовательно, мир» (Jünger, 1996: 49). Юнгер ссылаясь на «ауру верующего» и завещание новых мучеников (*ibid.*: 51) и говорил об образовании, ведущем к «исповедованию веры», а не к безразличию. Однако если это правда, что человек настоящего «хочет верить», то правдой является и то, что он не хочет верить в церкви без обновления. «Нужно будет вернуть его к спасению рациональным способом», — и это означало связать религию с родной землей и со вселенной, предложить новую идею тотальности, которая живет в «любом из творений». В этом смысле он оценивал не только христианские церкви. Он говорил, что в вихрях всеожженных Святое Писание проявлялось с большей ясностью, чем когда-либо — как в божественных символах Закона, псалмов и исповедей, так и в истине Нового Завета. «На этой книге мог бы основываться любой альянс», — говорил он и рекомендовал возвращение к Библии по «моральной необходимости» (*ibid.*). Определенным образом Юнгер

лелеял идею о том, что только в течение долгого времени существования человечества, гарантированного видением израильского Бога, было возможно размышление в духе Эпиметея. Это видение предопределяло единство Церкви. Проблема была проста: Церковь нуждается в реформе. То, что имело смысл с точки зрения национального раскола, не имело его, когда нации пришли к своему концу.

Было необходимо страдать дольше, бороться дольше, прежде чем вернуться к старому. Этот лозунг продолжает быть истинным — как истинным было признание, что подлинной демократии не будет без внимания к сингулярному. Христианский элемент, который содержался в этом утверждении, раскрылся, когда Юнгер сказал, что «мир должен будет предстать перед трибуналом сингулярной личности» (*ibid.*: 53). Здесь совершенно определенно видно, что сингулярная личность занимает место Мессии.

3. УЧРЕДИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Опираясь на эти рассуждения, можно предположить, что то, что мы называем Европейским союзом, имеет геополитические предпосылки, неотделимые от поражения Германии во Второй мировой войне и советской угрозы, а также от неспособности либерализма сдерживать нигилизм. Обратимся к двум проблемам, о которых нельзя забывать, — геостратегической и культурной. Европейский союз лишился бы своего краеугольного камня, если бы Советский Союз проиграл историческую битву и Берлинская стена исчезла, то есть если бы геостратегическое давление, приведшее к его созданию, прекратилось бы. Легко предположить, что в 1950-е гг. никто не верил, что эти предпосылки могут сложиться. В 1953 г. в своем эссе «Гордиев узел» Юнгер писал: «Мы чувствуем притяжение азиатского континента, мы слышим звон цепей Кавказа» (*ibid.*: 57). Азия тогда уже принадлежала СССР. Поэтому и легко думать, что люди, стоявшие у колыбели Европейского союза, полагали, что внешнее советское давление было конституирующим. СССР пришел чтобы остаться, и, хотя и было возможно вырвать у него Польшу или Венгрию, никто, в том числе и Кожев, не думал о его распаде.

По мнению Кожева, СССР и США имели одинаковые идеалы, и тип человека, создававшийся по обе стороны от железного занавеса, был по существу одним и тем же. Агамбен, который открыл значение этих текстов Кожева, прошелся по ним так, как если бы они были

правдивыми. Речь шла о той же самой мелкой мировой буржуазии постисторических животных, адаптировавшихся к потребительским привычкам капиталистической промышленности в конце истории. За этими фантазиями Кожева стоял и Шмитт со своей старой идеей о том, что Ленин всего лишь придал импульс ускоряющемуся капитализму.

Очень скоро реальность показала, что это не так. Русских заставлял подчиняться своему правительству их национализм и их престиж великого народа, способного осуществить всемирную революцию. Также они гордились тем, что спасли Кубу и разбили Соединенные Штаты во Вьетнаме. Легко чувствовать себя сильным, когда Соединенные Штаты должны прибегать к Пиночету, чтобы остановить Альенде, или когда коммунист-военный возглавляет Португалию после революции. Без сомнения, все эти победы стоили резервов и денег и породили бедность среди русских. Однако когда русские не были бедными? Не экономическое измерение лишило русских веры в своих лидеров и доверия им, а имперский провал, ознаменовавшийся поражением в Афганистане, что случилось лишь в начале 1980-х гг., и породивший уверенность в том, что имперская экспансия русских в советской форме остановилась и что цивилизационная гордость революции оказалась фикцией, потому что не смогла победить страну столь же жестокую, сколь и отсталую. Без сомнения, именно националистическое политическое недовольство, а не голод, отделило компартию от народа, когда уже в 1972 г. стало известно, что братский режим в Китае превратился в союзника Вашингтона. Недоумение русского населения проявилось, когда оно покорно вернулось в храмы и со смирением реабилитировало свою религиозную идентичность — единственную, какую русские могли ощущать столь же вечной, как их нация и земля. Долгая война в Афганистане, к которой была привлечена армия в миллион русских солдат, уничтожила престиж СССР, потому что показала, что страдания народа не оборачиваются геостратегическими успехами. Множество стран отказались участвовать в Олимпиаде 1980 г., что сделало очевидным одиночество России. Когда был объявлен бойкот следующих игр в Лос-Анджелесе, только 14 стран поддержали СССР. Таким образом, то крушение СССР, которого не предвидели в 1950-м, имело место в 1989-м, — правда, тогда еще не знали, как это повлияет на Европейский союз.

Райнхарт Козеллек напомнил Лоренцу фон Штейну, что в истории прогнозы, если они хотят быть вероятными, никогда не должны содержать деталей (Koselleck, 1993: 87–105). Так, хотя многие ожидали триумфа западного общества, никто не мог предположить, при каких

конкретно условиях он произойдет. Более того, в течение долгого времени, до Афганистана, советский режим имел на руках лучшие карты и умело разыгрывал их — притом что врагу крупно не везло. Ни одна имперская война американцев не завершилась победой. Ни в Корее, ни во Вьетнаме, ни в Лаосе, ни в Камбодже, ни на Кубе. Напротив, США приходилось прибегать к методам, которые вели к деморализации их же населения и разрушению основ их легитимности: государственный переворот в Чили, вторжение в Никарагуа и в Гранаду или диктатуры, которые США поддерживали в половине мира. В целом Соединенные Штаты находились не в лучшей ситуации, — и это не говоря уже о несоединившихся странах, которые отказались участвовать в Холодной войне, но были при этом более антиамериканскими, чем просоветскими.

Этот факт важно подчеркнуть, потому что он нам показывает, что к 1970 г. вовсе не было понятно, кто победит в Холодной войне. Мир был полностью разделен на блоки. Соединенные Штаты тяжело пострадали во Вьетнаме. Запад пресытился тем, что знал о своем собственном колониальном режиме, тем, что знал о СССР, и, несмотря на то, что Луи Альтюссер хотел отделить марксистскую теорию от марксистской практики, в 1968 г. стало понятно, что не это является убедительным для европейской молодежи. В те годы культурная революция в Китае оказалась еще одним тупиком, хотя Сартр и защищал ее. Ни радикализация Пол Пота, ни возвращение назад не могли предложить политике маоистского маятника достойного выхода. Именно в тот критический момент и произошло событие, которое действительно изменило мир. Можно было предвидеть, что если СССР будет разбит, сложится новая констелляция и кто-то получит выгоды от победы. В целом же разгром одного из контрагентов приводил к новому Номосу Земли, и его конфигурация была неотделима от тех сил, которые привели к победе. Впрочем, мысли о том, что исчезновение конституирующего советского давления на Европу приведет к распаду Европейского союза, казались малореалистичными. Наоборот, было логичным, что конец СССР откроет возможности для объединения Германии и реинтеграции Восточной Европы в большую европейскую семью. Однако конституирующее внешнее давление на Европу должно было продолжаться, и вопрос стоял не о том, чтобы свободно выбирать источник давления, но о том, в какой форме оно будет оказываться со стороны нового Номоса Земли. Так или иначе, Европа продолжала оставаться побежденной во Второй мировой войне и должна была принять последствия этого, т. е.

не иметь собственного центра притяжения в себе самой. С геостратегической точки зрения это было понятно. С внутренней же точки зрения ее конституция была, конечно, непредсказуемой.

4. ПАКТ НИКСОН-МАО

К 1970 г. также стало ясно, что Запад вступает в период топливно-энергетического кризиса. Конечно, было очевидно, что приближается некая революция — революция электронных технологий, которая должна была создать совершенно новую ситуацию в отношении Номоса Земли — по меньшей мере, для всемирного разделения труда как для одного из его элементов. В действительности нечто подобное уже имело место, когда Соединенные Штаты приняли участие в судьбе Тайваня, националистическое правительство которого усилилось благодаря масштабным инвестициям и открытым коммерческим соглашениям. Без модели Тайваня современный мир не имеет смысла, как он не имеет его и без Гонконга или Южной Кореи. Очень важно принять во внимание, что все они стали восточными воротами для США — по примеру Японии, которая добилась того же статуса границы, воздвигнутой против коммунизма, что и Германия во время тяжелой фазы Холодной войны. Это были узкие пространства, превратившиеся благодаря Холодной войне в пограничные линии, траншеи, защищающие от доминирующих коммунистических держав. В этих странах была создана модель, которая первоначально имела тот же смысл, что и Европа, интегрированная с Германией в 1945–1970 гг., — создавать богатство, способное обеспечить лояльность населения, и служить пропагандой добродетелей капиталистического режима. Именно так Соединенные Штаты и победили в идеологической войне — благодаря способности создавать пространство для экономической кооперации между союзниками. Тайвань, Корея и Япония наполнили западный рынок дешевыми товарами и монополизировали электронную, автомобильную и текстильную промышленности. Однако вскоре эта модель приобрела новый смысл. Не имея собственной геостратегической политики и военной промышленности, эти страны стали подданными США, которые защищали их от враждебных коммунистических держав. При этом все поменялось благодаря одному важному событию, которое мы и должны будем рассмотреть подробнее.

Когда в 1972 г. встретились Мао Цзэ Дун и Никсон, среди договоров, которые были подписаны, был и договор о сдаче Тайваня и объединении Китая. Предполагалось, что этот пакт заставит Великобританию

отказаться от Гонконга как колонии (что она и сделала, хотя весьма неохотно). Конечно же, имплицитно подразумевалось, что весь коммерческий поток, связанный с соглашениями, должен быть конвертирован в американский доллар, который к тому времени неоспоримо утвердился во всемирных агентствах типа МВФ и Всемирного банка.

Что действительно беспокоило Никсона на переговорах, так это вопрос о том, что будет с СССР и Японией. «Мы, к примеру, должны задаться вопросом — опять только между нами, — почему у Советов сконцентрировано военных сил на границе с вами больше, чем на границе с Западной Европой. Мы должны спросить себя, каким должно быть будущее Японии? Лучше ли для Японии, — тут, как я понимаю, между нами есть различие, — лучше ли для нее быть нейтральной, полностью незащитной, или для Японии лучше на какое-то время иметь определенные отношения с Соединенными Штатами [...]. Вопрос в том, перед какой опасностью стоит Народная республика. Это опасность американской агрессии или советской агрессии?» (Kissinger, 2012; Киссинджер, 2014: 284). Мао был не в состоянии говорить о том, что называлось «проблемными вопросами». Но, в любом случае, была дана гарантия, что китайские войска не выйдут за пределы страны. Вьетнам не должен был стать Кореей.

Более удивительным в заявлениях Мао было то, что ему нравились правые правительства: они казались ему заслуживающими доверия. В этом контексте становится очевидным его предпочтение Германии Франции. «Де Голль — совсем другое дело. Говорят также, христианские демократы в Германии тоже правые. Я почти счастлив, когда эти люди, занимающие правые позиции, приходят к власти» (Kissinger, 2012; Киссинджер, 2014: 286). Записи переговоров показывают со всей ясностью, что Мао желал прежде всего экономической кооперации и нейтрализации Советского Союза, который тенью надвигался на Вьетнам и Монголию и оказывал активное влияние на дела в Афганистане. В сообщениях, которые у нас имеются о следующих переговорах, кажется, что первостепенным вопросом были «долгосрочные цели двух сторон и их сотрудничество против гегемонистских держав, — подразумевался Советский Союз, во избежание оскорбительных замечаний, если бы его упоминали напрямую» (Kissinger, 2012; Киссинджер, 2014: 287). Этим занимались такие тяжеловесы, как Чжоу Эньлай и Никсон. В этот момент, предчувствуя несуществующие сложности и поощряя новые переговоры, был поставлен вопрос: «Имеет ли смысл разговаривать, если не заключаются соглашения, чего мы добьемся, оставаясь в мертвой

точке?» Это было правдой. Китай был в мертвой точке, США тоже. Никсон видел выход, и, вероятно, это стало основой для его соглашения с Чжоу. Все предвидели геостратегические последствия, при этом едва ли поднимались культурный и экономический вопросы. Никсон тогда сказал: «Ну вы просто остановитесь на минутку и подумайте, что произойдет, если кто-нибудь, обладая нормальной системой управления, получит контроль над материком. Бог мой! [...] В мире не найдется страны, которая сможет сравниться с ними. Я имею в виду, если вы сможете заставить 800 миллионов китайцев работать при нормальной системе [...]. Они станут ведущими в мире» (Kissinger, 2012; Киссинджер, 2014: 289).

Главным следствием этой истории был новый формат всемирного разделения труда и образование Номоса Земли, совершенно непредвиденного для теоретиков больших пространств начала XX в. — но не для Юнгера. Когда он почувствовал пробуждение Азии, он думал прежде всего о СССР, однако говорил о «восточном деспотизме». Туда же он включал и Китай. Последний был для него наиболее древней, «святой» землей (Jünger, 1996: 64), и было бы абсурдом соизмерять его сияние с западным. Китай был более древним и светил до истории и после нее. Это было то время, когда Хайдеггер говорил о «свете с востока». Однако он разделял землю и власти. Земля предполагала стабильные границы, тысячелетние, в этом сомнений не было. А где имеются границы, утверждал Юнгер, там имеется и возможность для соглашения, так как «любой великий народ необходим, и его исчезновение немислимо, кроме как если сгинет мир» (ibid.: 159). Среди подобных реальностей, которые сохраняли удивительным образом мир, был и Китай. Именно это новое пространство и оказывает сейчас давление на Европейский союз, а воскрешать старые клише латинской империи, чтобы воспрепятствовать китайскому влиянию на мир, так же смешно, как и воскрешать роль папства в борьбе против Аттилы, поскольку ситуация в мире сформировала глобальные зависимости столь основательно, что делает малые пространства совершенно смешными.

Мы приводим столь много цитат, потому что они показывают нам сущностную близость между политиками и наблюдателями за политикой. Мир является более транспарентным, чем мы предполагаем. В любом случае, то, что произошло в те дни, определило судьбу мира: в частности, повлекло за собой крах Советского Союза, который немного спустя (1979 г.) ввязался в войну в Афганистане — без сомнения, для

того, чтобы восстановить свое равновесие с Пакистаном, столь благоприятное для Индии как дружественной ему страны. Однако важно, что в результате СССР не сохранил имперскую структуру государства, которая функционировала во времена Холодной войны. Германии как кредитору могло быть интересно сохранять СССР и далее. Однако она не могла долго сопротивляться планам по его разделению, которые подготовили Соединенные Штаты и Великобритания. Если бы она хотела только воссоединения, она бы сопротивлялась больше, однако Германия хотела восстановить и свое влияние на Восточную Европу — а значит, и на прибалтийские республики, и на Хорватию, и на старую Судетскую область. Но, несмотря на все, это не было главной проблемой для Германии. Главным было ее собственное национальное объединение, которое Европа приняла с искренностью и даже солидарностью, как Испания, понимая те страдания, которые причинила этой стране советская оккупация. Европейская солидарность позволила Германии сохранить в неприкосновенности ее производственную систему, обладающую высокой конкурентоспособностью.

Пока все это происходило, последствия пакта между Мао и Никсоном проявлялись во всей полноте. Решающим для нас стало то, что Германия смогла заменить европейский экспорт китайским без больших трудностей. В 2011 г. ее экспорт в страны всего мира впервые превысил миллиард евро, а глобальный импорт составил 902 млн евро, что на 13,2% больше, чем в предыдущем году. Сальдо торгового баланса, несмотря на рост энергетического производства, достигло 158.000 млн евро, по сравнению с 154.000 млн евро в 2010 г. Германский коммерческий профицит в этот год был даже больше китайского (117.000 млн евро). 40% германского экспорта было направлено семнадцати членам еврозоны, 60 — всему ЕС (627.300 млн евро). Франция была традиционно первым клиентом Германии, далее шли Голландия и США. Участие Германии во всемирной торговле в 2011 г. составило 16,2%, Франции — 6,2%.

5. НОВОЕ МИРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Последствия пакта Мао и Никсона были ясны и первоначально привели к определенным реформам в политике империй, таким как введение политики открытых дверей для китайских продуктов во всем мире, которая осуществлялась при американском контроле над мировыми

инстанциями ГСТТ⁸ в обмен на то, чтобы все коммерческие транзакции осуществлялись в долларах (это означало отказ от империализма рынков, чтобы найти убежище в капитализме имперской валюты). Китай производил товары, а Соединенные Штаты производили валюту, по которой эти товары в конце концов и покупались. Именно это и породило то, что Янис Варуфакис назвал «глобальным Минотавром», — следствие соглашений Мао и Никсона. Соединенные Штаты могли занимать в долг коммерчески и публично до тех пор, пока сохраняли способность выпускать валюту, с помощью которой покупается их долг. Это позволило им сконцентрироваться на таких промышленностях с высокой добавочной стоимостью, как развлечения, сельское хозяйство, медицина, вооружения и электроника. В действительности они могли постоянно девальвировать свой долг и увеличивать конкурентоспособность посредством массивных эмиссий доллара, что они и сделали. В свою очередь Китай смог чудовищным образом увеличить свои долларовые резервы, чтобы извлекать прибыль из западных технологий и государственного долга, продавливая добычу сырья и производство продуктов питания, скупая землю по всему миру и, следовательно, предоставляя России возможность увеличивать свои доходы от производства сырья. В действительности Китай предпочитает скупать дешевые бизнес-активы на западном рынке — плохо финансируемые, но с хорошей технологической базой, или стратегические для своей продовольственной политики, установленной в плане на 12-ю пятилетку 2011–2015 гг. Китай прошел путь от инвестирования в Европу 800 млн долларов в 2008 г. до 3.600 в 2010 г., чтобы достичь 10.000 в 2011. В 2020 г. они смогут дойти до 50.000. Этот рост возможен потому, что Европа не накладывает такие же ограничения, как Соединенные Штаты. И эти инвестиции возвращаются в такие страны, как Великобритания или Германия. Фактически эти капиталы проходят через Сити, чтобы добраться до Германии. Их главные цели — неотчуждаемая инфраструктура (управление водопроводами и электросетями), добывающий сектор и продукты питания. Помня историю, страны Восточной Европы не чувствуют себя комфортно при германском давлении. Далекие уже от мысли, что они смогут сохранить привилегированные отношения с Соединенными Штатами для противостояния Германии, они очень восприимчивы к китайским инвестициям.

⁸Генеральное соглашение по тарифам и торговле, предшественник Всемирной торговой организации. — *Прим. пер.*

Пекин стремится разделить большие пространства. Это сила, которая разрушает договоры о международной интеграции, и Китаю это необходимо, если он хочет иметь присутствие и оказывать влияние. Со странами БАННА⁹ это можно сделать одним ударом. Однако если не имеется отдельных взаимозависимых групп со своей экономической системой, желания Китая сводятся к противостоянию с теми или иными странами, поскольку он понимает, что у него есть многое, что он может им предложить. Правда, никто не знает, какие долги он при этом приобретает; но кто будет беспокоиться о состоянии банков, если платят наличными? В этом Китай очень разборчив. В конце концов, он понимает, что приобретет намного большие возможности, защищая свои интересы, если будет верен логике, благодаря которой стал сильным: либерализм во всем мире, социализм — дома. Европейские инвестиции в Китай не увеличиваются, а даже уменьшаются. Китайский протекционизм — это очень тонкая система крепостей. Либерализм должен бы приглядеться к тому, что происходит.

Эти подозрения подтверждаются в случае с Германией. Говорится, что США и Китай имеют экономическую взаимозависимость, однако в действительности подлинно едиными являются экономики Китая и Германии. Мы говорим о китайско-германской торговле. Германия одна имеет коммерческую квоту в 40% от европейского экспорта в Китай. Правда, Китай предпочитает покупать у себя самого и поэтому покупает германские фирмы, прежде всего с высокой технологической ценностью. Но, в любом случае, тенденция представляется необратимой. Это так, потому что Германия не налагает такие же ограничения, как США, на технологическую кооперацию. Цифры от бенефиций Volkswagen, BMW и Siemens впечатляют. Так что Германия не может игнорировать Китай.

Китай в этих отношениях не имеет идеологических принципов. Он не инвестирует почти ничего во Францию, но не потому, что имеет что-то против Франции — хотя легко представить, что именно она является наибольшим сторонником использования ЕС в качестве протекционистского барьера. Отсюда угроза репрессий в отношении вина, в основном, французского, — это иная форма «разделяй и властвуй». Просто Франция не предлагает ему никакого интересного куска. Она не предоставляет ни рынка дешевого ручного труда, ни разрушенных предприятий, для которых Китай создает привилегированные отношения. Пример Швейцарии является довольно убедительным. Швейцария — это страна,

⁹Боливарианский альянс для народов нашей Америки. — *Прим. пер.*

которая имеет огромный профицит с Китаем, потому что он нуждается в ее лекарствах, химических продуктах и высокоточных приборах. Несмотря на свои едва ли не самые высокие в мире зарплаты, которые не девальвировались ни одним кризисом, Швейцария продает в Китае в восемь раз больше, чем покупает у него. Цюрих — это одна из площадок, на которых торгуют юанями. В результате у Китая зарождается мысль, что ЕС связан прежде всего с политикой Франции, что по существу речь идет о протекционистских структурах и о том, что европейские страны, которым нечего предложить, не нуждаются в ЕС для приобретения каких-либо возможностей, тем более что в ситуации кризиса он может оказать помощь пострадавшим экономикам. В этих условиях понятно, почему появляются голоса, которые просят, чтобы ЕС интерпретировался в логике «латинской империи» Кожева.

6. МАКС ВЕБЕР

Произошедшее легко описать. С точки зрения Шмитта, мы отдаем себе отчет в том, что наконец-то пришел новый Номос Земли. Вместо борьбы за землю, воду, воздух или огонь, которая наблюдалась в европейской гегемонии до Вестфальского мира, в Британской империи, в ходе Холодной войны и в американской империи с ее противоракетным щитом, начинается битва за новое пространство — информационное, за которое сегодня сражаются две самые великие системы информационного шпионажа в мире. Даже здесь Номос информационного пространства поглощает все остальное, так как именно в нем идет борьба за информацию и право на интеллектуальную собственность, за инновации, промышленные секреты и военные тайны. Подчеркнем еще раз: мы считаем, что Европа не является комбатантом. В действительности она должна выбирать способ, которым за ней будут следить: либо режим демократической открытости, поднадзорный и контролируемый, либо режим централизованной цензуры — эти две формы шпионажа являются основополагающими формами воюющих держав.

Проблема в том, что для этой ситуации уже не могут быть использованы завязанные на европоцентризме суждения Кожева, задачей которых было создание поствестфальского европейского пространства, не обреченного на германскую гегемонию. В новой ситуации это уже не может быть задачей. Многие в Германии полагают, что лучше быть в одиночестве великим поставщиком и производителем ряда сложных приборов для нового мирового высшего класса. Речь не идет об уравнивании

германской гегемонии в рамках ЕС, потому что Германия не хочет гегемонии в Европе. Это очень узкий горизонт, и он не предоставляет широких возможностей — наоборот, может быть определенной угрозой. Многие говорят, что вне ЕС Германия будет еще более мощной.

Германия в рамках ЕС должна добиться того, чтобы институты общества не подвергали опасности ее привилегированные отношения с Китаем. Это означает, по меньшей мере, пять взаимосвязанных вещей: (1) чтобы Китай мог покупать по хорошей цене европейские продукты; (2) чтобы он мог находить доступ к продуктовым инвестициям с конкурентоспособной рабочей силой в важных для своего будущего секторах; (3) чтобы не проводилась политика усиления конкуренции с девальвацией евро; (4) чтобы не увеличивались протекционистские меры; (5) чтобы не выстреливала инфляция. В целом — чтобы ЕС не действовал как Соединенные Штаты или как Япония. В этом смысле китайские требования определенным образом ведут к тому, чтобы Европа не была на поводке у США. И если показалось, что Германия проводит либеральную политику, то только потому, что именно этого потребовал Китай в качестве образующего условия для Номоса Земли в 1972 г. США определили правила игры, так что никого нельзя обвинять в том, что они им следуют. Китай в своем лице предлагает Германии подушку безопасности, когда ЕС дает течь, однако ЕС дает течь потому, что Германия должна сохранять свое равновесие, чтобы по-прежнему адаптироваться к Номосу, определяемому Китаем. И мы не можем не осознать все последствия этого. Наоборот, мы должны сделать несколько выводов.

Хотя с экономической и геостратегической точек зрения договоры продолжают иметь силу, с культурной точки зрения дела обстоят намного хуже. История Германии всегда была двойственной: цивилизация и культура, труд и природа, дисциплина и свобода, творчество и счастье. Эта диагностика Юнгера навязывается Кожеву в силу ее сложности. Забывать о сложности, которая привела ее к историческому успеху, означает играть в короткую. Однако бороться за равновесие между этими диадами будет необходимо — потому что то, что мы имеем прежде всего в настоящем, то, что делает ситуацию столь сложной, — это то, что все укладывается в логику Кожева: потеря латинского смысла жизни перед домогательствами германского человека. Конфликт начинается с предположения о борьбе между двумя человечествами. Идея латинской империи выявила симметричность ressentimentа и вины. На

кону в этих делах стоит равновесие, которое связано все с теми же проблемами преодоления нигилизма у Юнгера.

В этой рефлексии с огромной объяснительной силой работает социология Вебера, сформулированная для первого глобального этапа индустриализации еще до того, как на горизонте появилась европейская империя, в которую с головой погрузились германские элиты, сгруппировавшиеся вокруг кайзера и Гитлера. Вебер говорил о всемирном характере экономики и объективном прессинге, который оказывает мировой рынок на рабочий класс. Предельно точно Вебер понял, что культурный конфликт неотвратимо возникает всегда на горизонте труда. Конфликт всегда развивается вокруг условий труда, и это означало для Вебера, что труд является условием пользования политическими правами (Ferraresi and Mezzadra, 2005: XX, XXI). В этот момент он со всей ясностью сказал то, что мы поняли с болью только сейчас, но что было известно со времен Гегеля: что «в силу неосознанного характера телеологии, присущей социальным отношениям, трансформация конституции труда является естественным врагом высокому уровню жизни рабочих» (Weber, 2005: 20)¹⁰. Здесь Вебер был более проницателен, чем Кожев и Юнгер. Возможность сохранить латинскую зону с собственными условиями труда является совершенно иллюзорной. Возможность, которая относилась к постгероической эпохе труда с ее примирением с счастьем, традицией, творчеством и религией, как думал Юнгер, оказалась еще более иллюзорной, когда послышался скрежет китайских мастерских.

Это повлекло за собой беспрецедентные изменения и в культуре. В конечном итоге можно было бы сказать, что этот факт обрушил возможность Номоса Земли в шмиттовском смысле, потому что, вопреки предсказаниям о капитализме, который будет связан с элементом культуры как частью человеческой жизни, Вебер предвидел наступление всемирного капитализма, легко переносимого на нестабильные рынки труда. Ни Шмитт, ни Юнгер не предвидели, что успех цивилизации глобального капитализма бросит новый вызов чувству человечности — тонкую трансформацию субъективности, в форме которой прежде трактовалась идентичность больших пространств. Человеческий тип, который появляется в этой реальности, не был предсказуем ни для Вебера, ни для нас. Каковы будут люди будущего — это проблема, которую ставит Вебер в своей «Речи по поводу вступления в должность» и которую

¹⁰Оригинальное издание см.: Weber, 1988b.

в конце концов ставим и мы. Когда-то он говорил, что эта проблема усиливает связь между прошлым и нынешним поколением; аналогичным образом сейчас мы понимаем, что все, что мы делаем сегодня, будет определять будущее (Weber, 1988a). Когда он говорит, что эта проблема лежит в основе «любого труда по экономической политике», мы также можем видеть это. Неолиберализм — доктрина, которая не занимается этим вопросом, потому что ответ уже имеется: человек будущего будет *homo economicus*, *homo* без лишних слов — нагое существо, которое будет кочевать по земле в поисках возможностей. Этот ответ является ложным, потому что в действительности не означает ничего. Это просто иная форма разговора о неизвестном.

Вопрос, который мы должны поставить, таков: предвидим ли мы *homo europeus*? Этот вопрос более значим, чем союз фискальный, банковский или институциональный. Это не вопрос о праве на конвенцию, — это вопрос о человеке, который поставит свою подпись и сможет признать равного себе. Если мы вновь отдадим предпочтение испанскому, французскому или германскому человеку над человеком европейским — тогда мы не тип Эпиметея, в котором так нуждаемся сегодня. Это не вопрос о цивилизации, — это вопрос о культуре, которая останется в основании после смены цивилизаций, которую мы переживаем. Не знаю, готовы ли мы принять то, о чем предупреждал Вебер, когда писал: «Мы не хотим подпитывать благосостояние людей, тем более те качества, которые ассоциируем с ощущениями, связанными с человеческим величием и благородством нашей природы» (ibid.: 16). Когда он изучал последствия труда в эпоху Форда, то мог лишь признать, что машина трансформировала «духовно человеческий род так, что сделала его почти неузнаваемым» (Weber, 1988b: 1988). Сегодня мы могли бы говорить о таких же трансформациях, которые породил труд благодаря радикальному внедрению виртуального пространства, противостоящего пространству реальному. Возможность придать человеческий смысл капиталистическому развитию также находится в центре наших интересов, а открытие ценности и смыслы, которые могли бы наполнить человеческую жизнь, — это проблема сегодняшнего дня. Однако мы не можем забывать, что для этого мы должны пересмотреть равновесие между культурой и цивилизацией, и помнить, что единственный способ найти золотую середину между двумя измерениями находится в том поле, которое является цивилизационным, но которое не может развиваться, не сделав упор на культуру. Мы имеем в виду право во всей его полноте, подлинное место Европы, точку, в которой нигилизм может отступить

перед силой справедливости, поскольку справедливость — это то, что мы ассоциируем с человеческим величием и благородством природы.

Как справедливо замечает Вебер, это объективное историческое развитие может разрушать традиционный социально-политический порядок и бросать вызов, связанный с движением к иным социально-политическим образованиям, которые уже не могут быть характерны для государства-нации. Иллюзии должны исчезнуть и быть заменены другими. Это не может быть сделано без работающего смысла справедливости, включая всю конкретную силу его эмоций, аффектов и чувств, а также его концептов. Если мы не расширим смысл справедливости на природу и отдельных животных, мы не будем верны тому, чего сегодня требует величие и благородство. В любом случае, как следствие на горизонте появятся новые социальные противоречия, и пути их разрешения обретут новые, неизвестные ранее формы, открывая путь к справедливости. Если то, что почувствовал Вебер, повлечет за собой кризис патримонциальной легитимности, это также приведет к кризису национальной легитимности, который, как мы видим, и начинается при широких формах реформистского популизма. Еще раз: отношения между историей культуры, экономической историей и политической историей, между культурными интересами и политическими ценностями — что и занимало Вебера — лежат в основе наших споров. И схожим образом, как и все от Вебера до Грамши искали тогда «политического субъекта, правящий класс, который был бы в состоянии справиться с тем кризисом, утвердив собственную культурно-политическую гегемонию во всем обществе», мы здесь могли бы поставить проблему в понятиях легитимности, способной прийти к соглашениям, вдохновленным справедливостью для измерений культурной ценности, политической власти и порядков капитала (Ferraresi and Mezzadra, 2005: XXIX). Однако с недавних пор у нас нет столь крайней формы самоутверждения государства-нации и его имперского развития. Мы не должны думать, что Германия является государством-нацией, которое включает остальных в свою перспективу. Это просто страна, которая ранее остальных пережила культурные изменения, включила устойчивость в свою повестку дня, естественную защиту жизни, и которая будет необходимым партнером при поиске равновесия, идентифицируемого нами со справедливостью. В некоторых отношениях это — территория, лучше других приспособленная для хода мировой эволюции, которая просит нас, чтобы мы достигали ее высот. Мы можем следовать за ней или нет. Но мы не можем не

понимать, что вторая альтернатива приведет нас к утрате эволюционного импульса в среднесрочной перспективе. Первая же дает нам возможность сохранить равновесие и временной лаг, чтобы перенастроить наши культурные и цивилизационные измерения. Но мы в любом случае должны сказать «прощай» вере в то, что мы находимся в конце истории. Народы погружены сегодня в проблемы пропорционально тому, насколько они верили в этот странный диагноз. Изменения, которые нам нужны, повлияют в конечном итоге на спинной мозг жизни, — им нужно время и они породят боль. Однако далекий Эпиметей, в котором мы видим европейского человека, поднимается и напоминает о себе, как древний псалмопевец: «Не предай зверям душу горлицы Твоей; собрания убогих Твоих не забудь навсегда. Призри на завет Твой; ибо наполнились все мрачные места земли жилищами насилия. Да не возвратится угнетенный посрамленным; нищий и убогий да восхвалят имя Твое» (Пс. 74:19–21).

ЛИТЕРАТУРА

- Kissindjser G.* О Китае / пер. с англ. В. Н. Верченко. — М. : АСТ, 2014.
- Спиноза Б.* Богословско-политический трактат / пер. с лат. М. Лопаткина // Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1957а. — С. 5–284.
- Спиноза Б.* Этика, доказанная в геометрическом порядке и разделенная на 5 частей / пер. с лат. Н. А. Иванцова // Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1957б. — С. 359–618.
- Ferraresi F., Mezzadra S.* Introducción a Max Weber // Dalla terra alla fabbrica. Scritti sui lavoratori agricoli e lo Stato nazionale, 1892, 1897 / M. Weber. — Bari : Laterza, 2005.
- Jünger E.* La Paz // El nudo gordiano, El Estado mundial y Alocución en Verdum. — Barcelona : Tusquets, 1996.
- Kissinger H.* China. — Barcelona : Debate, 2012.
- Kojève A.* Esquisse d'une doctrine de la politique française. — 1945. — URL : <https://archive.org/details/KOJEVEPOLITIQUE1945> (visité le 28/04/2017).
- Koselleck R.* La prognosis histórica en el escrito de Lorenz von Stein sobre la constitución prusiana // Futuro pasado. — Barcelona : Paidós, 1993. — P. 87–105.
- Roth J.* Der Antichrist. — Amsterdam : Allert de Lange, 1934.
- Schmitt C.* Respuestas en Nuremberg. — Madrid : Escolar y Mayo, 2016.
- Spinoza B.* Ética demostrada según el orden geométrico. — Madrid : Edición de Atilano Domínguez, Alianza Editorial, 2011.

- Spinoza B.* Tratado teológico político. — Madrid : Edición de Atilano González, Alianza Editorial, 2014.
- Weber M.* Der Nationalstaat und die Volkswirtschaftspolitik. Akademische Antrittsrede, Freiburg, 1895 // Gesammelte politische Schriften. — Tübingen : Hrg. Johannes Winckelmann, Mohr, 1988a.
- Weber M.* Entwicklungstendenzen in der Lage der ostelbischen Landarbeiter // Gesammelte Aufsätze zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Bd. 7. Archiv f. soziale Gesetzgebung, 1894. — Siebeck : 1988, 1988b. — S. 470–507.
- Weber M.* Dalla terra alla fabbrica. Scritti sui lavoratori agricoli e lo Stato nazionale, 1892, 1897. — Bari : Laterza, 2005.

Vil'yakan'yas Berlanga, Kh.-L. [Villacañas Berlanga, J. L.] 2017. “Yevropa. Posle suvereniteta i posle gegemonii [Post-Sovereignty and Post-Hegemony Europe]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 1 (2), 11–39.

JOSÉ LUIS VILLACAÑAS BERLANGA

PROFESSOR, HEAD OF THE DEPARTMENT OF HISTORY OF PHILOSOPHY,
COMPLUTENSE UNIVERSITY, MADRID

POST-SOVEREIGNTY AND POST-HEGEMONY EUROPE

Abstract: This essay recalls the original plans on which the draft of the current European Union was discussed. As it is known these projects were written after the trauma of the second world war and are due to the pen of Kojève and Jünger. The original approaches of these thinkers implied the precise attention to the cultural, religious and moral traditions of the European States, and not only to the economic questions. This essay wishes to contrast these reflections with the course of events that began after the Nixon–Mao interview and the beginning of neoliberal globalization. In front of it, it claims an inevitable return to the cultural conditions that were at the origin of the European project, demanding a world not crossed by hegemony and sovereignty in an absolute sense.

Keywords: Kojève, Jünger, Nixon, Mao, European Union, Hegemony, Sovereignty, Nomos of the Earth.

REFERENCES

- Ferraresi, F., and S. Mezzadra. 2005. “Introducción a Max Weber” [in Italian]. In Weber 2005.
- Jünger, E. 1996. “La Paz” [in Spanish]. In *El nudo gordiano, El Estado mundial y Alocución en Verдум*. Barcelona: Tusquets.
- Kissindzher, G. [Kissinger, H.] 2014. *O Kitae [China]* [in Russian]. Trans. from the English by V. N. Verchenko. Moskva [Moscow]: AST.
- Kissinger, H. 2012. *China*. Barcelona: Debate.
- Kojève, A. 1945. *Esquisse d'une doctrine de la politique française* [in French]. Accessed 2017-04-28. <https://archive.org/details/KOJEVEPOLITIQUE1945>.
- Koselleck, R. 1993. “La prognosis histórica en el escrito de Lorenz von Stein sobre la constitución prusiana” [in Spanish]. In *Futuro pasado*, 87–105. Barcelona : Paidós.

- Roth, J. 1934. *Der Antichrist* [in German]. Amsterdam : Allert de Lange.
- Schmitt, C. 2016. *Respuestas en Nuremberg* [in Spanish]. Madrid : Escolar y Mayo.
- Spinoza, B. 1957a. *Bogoslovsko-politicheskiy traktat [Tractatus Theologico-Politicus]* [in Russian]. In vol. 2 of *Izbrannyye proizvedeniya [Collected Works]*, trans. from the Latin by M. Lopatkin, 5–284. 2 vols. Moskva [Moscow] : Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- . 1957b. *Ėtika, dokazannaya v geometricheskom poryadke i razdelennaya na 5 chastey [Ethica Ordine Geometrico Demonstrata]* [in Russian]. In vol. 1 of *Izbrannyye proizvedeniya [Collected Works]*, trans. from the Latin by N. A. Ivantsov, 359–618. 2 vols. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- . 2011. *Ėtica demostrada según el orden geométrico* [in Spanish]. Madrid: Edición de Atilano Domínguez, Alianza Editorial.
- . 2014. *Tratado teológico político* [in Spanish]. Madrid: Edición de Atilano González, Alianza Editorial.
- Weber, M. 1988a. “Der Nationalstaat und die Volkswirtschaftspolitik. Akademische Antrittsrede, Freiburg, 1895” [in German]. In *Gesammelte politische Schriften*. Tübingen: Hrg. Johannes Winckelmann / Mohr.
- . 1988b. “Entwicklungstendenzen in der Lage der ostelbischen Landarbeiter” [in German]. In *Archiv f. soziale Gesetzgebung, 1894*, vol. 7 of *Gesammelte Aufsätze zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, 470–507. Siebeck: 1988.
- . 2005. *Dalla terra alla fabbrica. Scritti sui lavoratori agricoli e lo Stato nazionale, 1892, 1897* [in Italian]. Bari: Laterza.